

**«Он скрытый так, что его и облика нет,
а я его нашел, я ему преклоняюсь»:
о шаманском следе в современных взглядах на мир
у северных селькупов**

Ольга Борисовна Степанова

(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3)

Аннотация. Актуальным для сегодняшней науки является вопрос сохранения и изменения традиционного мировоззрения, и прежде всего его шаманистической составляющей у современных народов Сибири и Севера. Статья посвящена изучению воздействия шаманской традиции на мировоззрение и образ жизни современных северных селькупов, влиянию шаманизма на формирование новой селькупской идентичности — к этим темам пока никто из ученых не обращался. Рассматривается и вводится в научный оборот ряд до сих пор неизвестных данных по традиционному селькупскому шаманизму и истории шаманства. В фокус исследования поставлены мировоззренческие установки селькупской семьи Тамелькиных, среди предков которой был знаменитый шаман Давыд Калинин. Несмотря на то что нынешний глава семьи Тамелькиных обладает исключительными, сближающими его с шаманом, способностями, его взгляды на мироустройство типичны для большинства современных селькупов и лежат в русле традиционной духовности. Сегодняшние селькупы массово верят в существование потусторонних существ — духов, в сверхъестественные силы духов и старых шаманов, боятся духов и почитают их в обрядах жертвоприношения. В последние годы отмечается всплеск интереса селькупов к своим родовым шаманам и к сюжетам селькупской истории, связанным с шаманами. Исследование позволяет сделать вывод о том, что шаманизм оставил глубокий след в сознании селькупов и породил парадокс: шаманы ушли в небытие физически, но живут в народной памяти и владеют умами своих потомков, шаманская вера в селькупах никуда не исчезла, а только укрепила свои позиции.

Ключевые слова: селькупы, традиционное мировоззрение, шаманизм, трансформации религиозных верований, история селькупов.

Дата поступления статьи: 7 апреля 2023 г.

Дата публикации: 25 ноября 2023 г.

Для цитирования: Степанова О. Б. «Он скрытый так, что его и облика нет, а я его нашел, я ему преклоняюсь»: о шаманском следе в современных взглядах на мир у северных селькупов // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 99–109.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.008>

Научный интерес к вопросам шаманизма и традиционного — шаманистического — мировоззрения северных селькупов всегда был высоким. Но современные

взгляды на мироустройство — изменения, которые произошли в селькупском мировоззрении в течение последних двух десятилетий, — остаются пока белым

пятном в этнографии селькупов. Между тем факторы, оказывающие влияние на эти взгляды, были более чем серьезные. В начале 2000-х гг. умерли последние селькупские старики-шаманы, и молодые шаманы им на смену не пришли, в чем сказался результат политики советской власти, направленной на искоренение шаманизма, уничтожение шаманов как класса и прививание атеизма. Примерно в это же время в быту селькупов получило широкое распространение множество технических новшеств, появился Интернет, соцсети, качественное медобслуживание, шагнуло на новый уровень образование, что, казалось бы, должно было окончательно опровергнуть их веру в существование каких-либо божеств и зависимость от них человека. В задачу исследования входит изучение следа, который шаманы оставили после себя в селькупском сознании. Фиксация современных трансформаций традиционного мировоззрения селькупов важна не только для науки. Исследование сегодняшнего состояния селькупских религиозных верований внесет свою лепту в сохранение традиционной культуры и истории селькупов, окажет им помощь в поиске новых форм этничности [Степанова 2018]. Поскольку проблемы современного селькупского мировоззрения в научной литературе в последний раз освещались учеными давно, в 1990-е гг. [Головнев 1995; Белич, Белич 1997]), главными методами, применяемыми в исследовании, были методы полевой работы, расшифровка и анализ собранных материалов, при подготовке статьи использовались также описание, сравнение и метод исторической ретроспективы.

В основу статьи легли материалы, собранные автором в экспедиции в Красноселькупский район Тюменской области в марте 2023 г. во время выезда на промысловое угодье на Парусовых озерах, расположенное в 32 км по прямой от районного центра — с. Красноселькуп [ПМА 2023]. Выезд совершался для осмотра старинного селькупского *порге* — изображения духа на дереве. Организацией поездки занимались сотрудники отдела по делам коренных малочисленных народов Севера администрации Красноселькупского района.

По приезде на Парусовые состоялось знакомство автора с хозяином угодья и хранителем *порге* Ильей

Владимировичем Тамелькиным, 1958 г.р., бывшим оленеводом с дипломом ветеринара, отдавшим оленеводству 30 лет жизни, половину из которых он был бригадиром, т.е. нес ответственность за вверенное ему совхозное стадо (стадо № 2, а потом 4 и 5 совхоза «Полярный»).

В первый час знакомства с Ильей Владимировичем выяснилось, что он чрезвычайно интересный человек и рассказчик, кладезь информации, имеющей большую ценность для этнографа, что он не просто знает родную культуру, а живет традициями своего народа, сохранение и продолжение традиций — его образ жизни. Главное хозяйственное занятие, рыбный промысел, проводился Тамелькиным исконными методами — зимним забором и ставными подледными сетями. Постройки на угодье — изба, палатка, чум и несколько сараев — вместе с распределенными по ним традиционными вещами подчеркивали приверженность хозяина старым устоям. Изображение духа, вырезанное внизу на огромной березе с отломанным верхом [Степанова 2006], растущей на краю жилой зоны, погружало посетителей угодья в мысли о живущей здесь глубокой древности.

Все *порге* в прошлом вырезались шаманами, никто, кроме шаманов, сделать *порге* не мог. Хранителями *порге*, как правило, тоже были шаманы, имеющиеся раньше в каждом роду. Позже, когда шаманы стали исчезать, обязанности хранителей перешли к старшим мужчинам в семье. Тамелькин подтвердил свою квалификацию хранителя тем, что смог не только персонифицировать духа, которого он хранил, но и дать ему характеристику, и совершить по всем правилам обряд жертвоприношения. В разговорах и действиях, относящихся к *порге*, Тамелькин и присутствующие на обряде пять человек селькупов проявили неподдельную веру в существование духов, которая была религией их предков. Каждый старался до мелочей соблюсти все правила обряда, не нарушить ни один из запретов. Впоследствии, в течение дня, собравшиеся во всем отмечали знаки милости, дарованной им задобренным угощениями духом, — в ярком солнце на голубом небе, попавшемся в рыбацкую сеть щекуре и т.д.

Искренняя вера в существование духов и их сверхъестественную силу выразилась

также в рассказе Тамелькина еще об одном порге, расположенном неподалеку. В отличие от благоволящего людям светлого духа, по которому совершался обряд, в том порге был воплощен «дьявол», опасный для человека. *«Там тоже есть идол. Чистый череп, как настоящий человек. Вот тут недалеко. Его не надо трогать, ходить к нему не разрешается. Вот он — что-то случись, кто будет отвечать... Мой младший брат пошел, говорили не ходить, он потрогал, и всё, и с дедом вроде были — один месяц..., один, потом второй, сразу ушли, здоровые люди. Я тоже не хожу, мне сказали: старый, нельзя трогать. Он этот, который... он не шаман, а его дурь взяла, как будто вниз забрал, дьявольский дух — нельзя туда ходить».* К тому порге сейчас никто не приближается, боится, но, чтобы не гневить духа безразличием, проезжающие мимо привязывают на близстоящее дерево приклады. *«Вот он там незаметно стоит в скрытном месте, там какой-то бугорок и яма — он там сидит, в ямке. А там, где проходит дорога, там тряпочек много-много-много завязано».*

Общение автора с хозяином угодья длилось почти весь день, до заката солнца, на диктофоне позже оказались записанными шесть с лишним часов непрерывной беседы. Когда по вопросу порге и обряду кормления духов были изложены и зафиксированы удовлетворяющие обе стороны сведения, разговор перешел на другие темы. Обнаружилось, что Илья Владимирович — праправнук большого селькупского шамана Давыда Никитовича Калина¹. Тамелькин был в курсе, что с его прапрадедом были знакомы Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы — ленинградские ученые из Кунсткамеры, и хотел узнать от приехавшего к нему сотрудника этого музея, какую память они оставили о его деде. *«Я хотел один вопрос задать, можно? Вы же в Санкт-Петербурге находитесь?»* <О. С.: Да, в музее, в Кунсткамере.> *Вот в Кунсткамере мой дед лежит, Давыд Калин, шаман, у Прокофьевых описано полностью. Мне нужно снять фотографии и посмотреть облик нашего*

деда. Моя половина же Калина, моя мать Ирина Алексеевна Калина. Мой дед, родной дед, он Калин. Вот его род я со стороны Калиных тоже имею. Потому что мать родная Калина. <О. С.: И что такое у нас в Кунсткамере ваше есть?> *У него фотография есть, надо увидеть облик деда-шамана, и весь обряд² там находится, в Кунсткамере.* <О. С.: У нас на сайте музея в открытом доступе выложена фотоколлекция Прокофьева, в ней есть фотографии шаманов, но Калина среди них, точно помню, нет. В фондах есть один костюм селькупский шаманский, из медвежьей шкуры, но он не Калину принадлежал, а другому шаману. Хотя фамилия Калин мне встречалась, наверное, в работах Прокофьевой. В каком виде ваш предок там находится?> *Ну, я не знаю, в каком он облик, в каком виде — я не видел. Ну, вот этого шамана точно не знаете?* <О. С.: Точно не знаю.> *Он скрытый так, что его и облика нет, а я его нашел, я ему преклоняюсь. Он вон похоронен...* <О. С.: Это ваше, родное.> *Да, душа нашей земли. Прокофьев полностью сделал описание, всё, досконально.* <О. С.: Его костюма?> *Ну, я не знаю, костюм это или..., ну, я не помню. У него всё взял интервью, Прокофьев».*

Вопросы, которые задавал Тамелькин, свидетельствовали о том, что потомки старого шамана не забыли своего предка, передают память о нем из поколения в поколение, пытаются расширить имеющуюся информацию о нем и гордятся своим родством с ним. Тамелькины считают шаманов душой селькупского народа и верят, что прапрадед благодаря своему шаманскому естеству, несмотря на смерть, способен продолжить свою жизнь в музейных артефактах.

Тамелькин оказался хранителем не только порге, но и истории своей семьи и народа. Он и без сведений Прокофьевых много знал о своем прапрадеде и слагающих селькупскую историю обстоятельствах его жизни. По словам Тамелькина, род Калиных раньше жил на Худосее, там были их родовые угодья, однако жили они там не всегда: Давыд Калин привел на

¹ Илья Владимирович отметил, что по линии Тамелькиных в его семье тоже имелись шаманы, но не такие сильные, и больше о них не упоминал.

² Обрядом Тамелькин называл шаманские атрибуты — костюм, бубен, изображения духов-помощников.

Худосей семью с верховьев Таза, с речки Ратты. «О. С.: В Ратте тоже Калины живут?» Я тебе сейчас объясню. Это шаман Калин оттуда спустился, оттуда спрятался, потому что его убить хотели. Он спрятался на Худосее. Короче, знаешь, как это определяется — это с калинской земли Давыд ушел и пришел... Он с Ратты ушел, сплыл, он жену своровал у кого-то и уплыл, такой он негодяй. Потом приплыл, по Худосею поднялся, до Орлово дошел и остановился, Орлова речка есть, приток Худосея. Но оттудова, из Ратты жену своровал. Его убить хотели, этого нашего предка, шамана, там шаманов много было».

По словам Тамелькина, известность свою Калин снискал тем, что лечил людей — все болезни — безвозмездно, из человеколюбия: «Ну, еще он лечил людей, помогал людям, это у него было, у него от бога это было, дар был такой. Он всё лечил и за это ничего не брал».

Как и подобает большому шаману, Давыд Калин был знаменит также своими «подвигами», подтверждающими его недюжинную шаманскую силу. Когда ему случилось противостоять искоренявшим кулачество русским «комиссарам»³, он оказался непобедим и неуязвим: «Эту историю я слышал от моей родной бабушки, матери моего отца, Ульяны Петровны. Она в Туруханске тогда жила, она глазами видела, от нее этот рассказ я услышал. Дед Калин за лечение от людей ничего не брал, потому его пытали и не допытались, не могли убить и отпустили. Его в каторгу садили, он оттуда выходил невредимым, его стреляли — он изо рта дым пускал. Каторга — это яма, из которой человек не должен выйти живым. В каторгах, которые сделаны, внизу яма, а на дне штыки воткнуты, укладывают такую рельсовую шпалу, чтобы он лежал, спал. А простой человек, который не может поддержать свой дух, он засыпает и падает, а дед живьем оттуда вышел. Часовой открывает каторгу, а там деда нет — ни на штыках, ни в яме нет. Каторга пустая — он оттуда уже через

все эти замки вышел. Дух он был сильный. Потом его расстреливали восемь человек, из карабинов, а он изо рта дым пускает и пульки обратно им отдает. Дух его такой сильный, что он может превращаться в другого: его стреляешь, а он другой. Убить пытались, когда он с кольев там, с каторги вылетел, они же его искали, а он превратился в орла и орлом сидел, смотрел на это всё. Сидит на завалинке и смотрит, что они бегают. Он мог перевоплощаться — так я понял, когда рассказывали. Он перевоплотился в орла и за этой картиной наблюдал. Потом обратно превратился в человека, и они его нашли. Решили, что, если он из тюрьмы вышел, собрали людей, людей выставили несколько человек и его поставили на расстрел. Они пытались его убить, а у него изо рта дым пошел, и он им обратно пули отдал. Камера называется смертная камера — оттуда выживет или не выживет. Он наружу выходил, зря оттуда не уходят. С ним не расправились и отравили домой, целым и невредимым. Он говорит: “У меня два сына, батраков не имею, один рыбак, другой пастух, всё”. Вот такой сильный человек был. Не могли с ним управиться русские. Убить не смогли».

В истории, дополняющей это семейное предание, «по закону жанра», сила калинского шамана подчеркивается бессилием оказавшихся в такой же ситуации шаманов других родов: «Ну, бабка моя еще видела, когда молодая была, как других шаманов в Енисее топили. Те кандалами связаны, в кованых цепях, с камнем на шее и на руках. Кто орет, кто кричит, кто плачет... В лунку опустили всех, утопили — которые этих шаманов забрали. Прорубь выдолбили и топили в Енисее. А там течение мощное, сильное, а они связаны связкой все, каждый с этими гириями, и утонули. Деда тоже тащили, приехали, забрали. Но дед остался живой, его не смогли победить, его оставили в покое».

Победителями в историях того же типа, которые во время полевой работы рассказывают информанты из других

³ Истории о волшебном побеге шаманов из русского плена — излюбленный сюжет селькупского фольклора. До установления советской власти селькупские шаманы противостояли другим русским, тем, кто представлял царскую власть. Селькупской устной традиции было свойственно недружелюбно характеризовать любую русскую власть за ее неоднозначную политику в отношении народов Севера.

семей, выходили шаманы этих семей, они, так же как калинский шаман, волшебным образом освобождались от пут и возвращались на свои угодья. Не всё в этом роде фольклорных произведений является выдумкой. В подобных рассказах вымысел соседствует с правдой: советская власть действительно боролась с зажиточной, кулацкой прослойкой селькупского общества, куда, как правило, попадали шаманы. Мерилом в определении кулака служило наличие в хозяйстве батраков, но иногда хватало быть просто шаманом. Правда также в том, что в результате репрессий многие шаманы, как описывается в этих семейных преданиях, погибли.

С репрессиями, которым подвергались шаманы-кулаки, Тамелькин связывает гонения на шаманский культ и всю пронизанную им селькупскую культуру. Из рассказов стариков он запомнил, что в тот период у множества шаманов отняли их инсигнии: *«После этого шаманские обряды прятать начали, после раскулачивания все эти культуры уничтожали. Помните, когда была революция, Ленин пришел? У русских всю культуру тоже уничтожали, церкви — это же как, как он говорил — опиум для народа. И тоже пришли, у наших, у селькупов, всю культуру уничтожали. Елена Алексеевна рассказывала: старый клуб вот тут на берегу⁴ был, где охотинспекция, сейчас перенесли оттуда. Короче, она маленькой девочкой была — все драгоценности, там бусы всякие и шнурки шаманские, они из них украшения делали куклам, из обрядов, им целую гору дали. А остальное те взяли и всё уничтожили, сожгли прямо в огне».*

Рядом с порге, чьим хранителем Тамелькин является, по его словам, зарыты три домашних духа, принадлежащих разным селькупским родам. Якобы их закопали в то время, для того чтобы они не попали в руки чужим людям и не были уничтожены, — так ему рассказывали предыдущие хранители. *«Вот вам, здесь у реки, вот которая икона, это ж икона считается, мать-хранительница земли — там закопали еще три, от этого тогда, в те времена всё уничтожалось, ну, и они прятали, как могли».*

Согласно родословной Тамелькиных, у шамана Калина было два сына — Сергей и Иван, сын Ивана Алексей впоследствии стал любимым дедом Ильи Владимировича. *«У него два сына было, их звали Сергей и Иван. Иван — это мой прадед. Потому что мой дед-то Алексей Иванович. Теперь уяснили? Алексей Иванович — мой родной дед. Я Алексея Ивановича — вот, сижу перед вами — родной, любимый внук».*

Алексея Ивановича с самого рождения воспитывал его дед-шаман, Давид Калин. *«А у меня дедушка кто? Алексей Иванович Калин. А кто его вырастил? Калин Давид, который шаман. Короче, своего внука выращивает, то есть не выращивает, а ставит на ноги, мать при родах умерла. Как раз отел был, он взял, воспитал. Младенца. Своими руками воспитал. Калин Давид, он сильный шаман был. Своего внука воспитал, ну, оленьим молоком, короче. Поднял он его на ноги».*

Дед Тамелькина был сказителем, помнил много сказок, мог рассказывать их ночь напролет. Теперь эти сказки Ильи Владимировича и его старшая сестра Валентина, отработавшая 40 лет в школе преподавателем селькупского языка, рассказывают и переводят с селькупского языка на русский заезжим исследователям. *«А я любимый внук Алексея Ивановича, я у него на коленках спал, он сказки рассказывает, а я потом в другой день тоже рассказываю».* Любимый дед умер, когда Тамелькину было 6–7 лет, но, несмотря на юный возраст, он хорошо его запомнил: *«Моего деда Сяюл звали, что переводится как Черная Голова, — он в 70 лет умер, у него ни одной седины не было. Это внук шамана Калина. Когда бог его позвал, вся голова у него была черная. У меня в 60 только стало сидеть, а он вообще черный был».*

Давид Калин, невзирая на испытания, которые выпали на его долю, прожил долгую жизнь. Похоронили его на родных угодьях, на Худосее: *«Мы точно не знаем место, где он похоронен, но на Худосее. Когда моя мать родилась, он ее качал два дня, потом они ушли, и он умер. Это приблизительно в 1950-х годах было. Он долго жил, когда умер, ему было за..., больше 80 лет».*

⁴ Речь идет о нынешнем районном центре с. Красноселькуп.

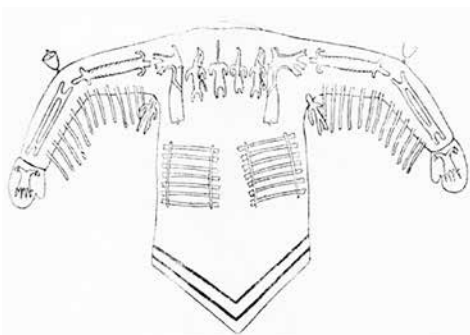
Когда в беседе с Тамелькиным стал обсуждаться вопрос, какие таланты он унаследовал от своих предков, произошло научное открытие. Тамелькин вдруг назвал прапрадеда не Давыдом Калиным, а селькупским именем *Тама Ильджя*, что в переводе означает Мышь-старик. Это произошло случайно, но, возможно, случайно было как раз то, что он не назвал его этим именем раньше. И совместились две личности — шамана Давыда Калина, чью подробную характеристику представил Илья Владимирович, и шамана *Тама Иры*, материалы о котором действительно имеются в наследии Прокофьевых.

Очень удачная фотография *Тама Иры* содержится в фотоколлекции МАЭ, отснятой Прокофьевым (ил. 1), шаману на фотографии на вид около 50 лет. Мышь-старик дважды упоминается Прокофьевой в работе «Костюм селькупского (остяко-самоедского шамана)», она отмечает его известность и исключительную шаманскую силу, ей о нем рассказывали, что он будто бы ловил на весу пули, направленные в него, прокалывал себя насквозь, резал себя на куски и т.п. В то время, когда с ним водили знакомство Прокофьевы, он хотя и пользовался всеобщим почетом, но шаманил очень редко, говорил, что «сила не берет, стар стал» [Прокофьева 1949, 339]. На с. 365 работы Прокофьевой приводится рисунок шаманской парки *Тама Иры* (ил. 2) и даются к нему комментарии. Прокофьева пишет, что по количеству и разнообразию подвесков парка шамана *Тама Ира* очень интересна. Вверху с боков на нее нашиты широколопастные рога лося и парные изображения журавлей. В местах соединения рукава с паркой прикреплены две фигурки человечков: справа нашит «безрукий племянник» и слева — «двуполовинный дух», оба представляя собой духов Нижнего мира. На рукавах нашиты изображения костей скелета крыла птицы, соответствующие скелету крыла реальных птиц; имеется плечевая кость, двойная кость предплечья и скелет лапки птицы. По бокам парки нашито по семь железных пластин с каждой стороны; они изображают ребра [Там же, 364–365]. Всё это богатство прокофьевских сведений о *Тама Ире* было отослано автором семье Тамелькиных позже, уже с компьютера в Санкт-Петербурге. Тогда

Ил. 1. Шаман Тама Ира (Мышь-старик) — Давыд Никитович Калинин. П. Янов Стан Туруханского края. Фото Г.Н. Прокофьева, 1925 г. (МАЭ № И-1177-1)

Fig. 1. Shaman Tama Ira (Mouse-Old Man) — Davyd Nikitovich Kalin. Village of Yanov Stan, Turukhansk region. Photo by G.N. Prokof'eva, 1925. (MAE № I-1177-1)

Ил. 2. Схематичный рисунок парки шамана Тама Ира [Прокофьева 1949, 365]

Fig. 2. Schematic drawing of the shaman park Tama Ira [Prokof'eva 1949, 365]

же, на уголье Ильи Владимировича, беседа продолжилась.

Тамелькин поделился с автором своей уверенностью в том, что он обладает способностями воспринимать сигналы, исходящие из потустороннего мира, т.е. имеет связь с миром духов. В этих своих — близких к шаманским — способностях он не раз в течение жизни имел возможность убедиться. Характерно, что этот дар признают за ним и окружающие, они так и говорят: «Ты же у нас шаман». Чувствительность к иному миру позволяет Тамелькину в каких-то критических для жизни случаях получать от духов помощь. Была в его прошлом одна женщина-шаманка, которая дважды спасала его от смерти. Первый раз это случилось, когда он был маленьким, а она была живой, второй раз это произошло, когда он был уже взрослым, а она

мертвой. Она помогла ему, отослав к нему своего духа — песню. *«Куболева Варвара Ивановна, тоже, видимо, шаманка, женщина. Она сначала вытащила меня с того света, когда жива была. Вместо моей жизни, она говорила, другого положила»*⁵. А потом, когда умерла, с того света она меня опять вытащила. Вон, Андрюха знает, когда мне плохо стало, она с того света вышла и спасла меня. Я как будто бы во тьму ушел, хотел уже умереть. Тогда евовная песня сама пришла, как шаманка — она с того света меня, из иного мира вытащила, в эту землю, которая средняя земля. Она шаманка, моего отца, Владимира Полуэктовича Тамелькина, крестная мать. Она там где-то жила, то ли в Тольке, то ли еще дальше. У нас на Худосее с верховьев Таза старики жили, мы общались. Вот ее песню отлично помню, шаманская песня»

Выждав момент, когда на него снизойдет вдохновение, Тамелькин спел гостям песню женщины-шаманки. Текст песни он забыл, кроме одной фразы: «один бык головой остался рогом, белый бык остался рогом»⁶. Однако этнической мелодии, пропетой междометиями в подражание селькупской речи, хватило, чтобы произвести неизгладимое впечатление на собравшихся. Тамелькин объяснил, что каждая песня есть дух ее исполнителя, и чем сильнее дух, тем больше песня проникает в души тех, кто ее слушает⁷: «Я мелодию показал, как духи поют. Когда они словами поют, ее надо долго-долго петь». Из рассказанной Тамелькиным истории следует, что шаманские духи-песни обладают огромной силой. Шаманы, в каком бы из миров они ни находились, могут управлять своим духом-песней и посылать ее на выполнение важных заданий. Духи-песни могут передаваться шаманами тем людям, которые имеют способности их чувствовать или «видеть», держать у себя и использовать, когда в этом возникает необходимость.

Женщина-шаманка, дважды спасшая жизнь Тамелькину, дала ему

песню — «селькупского духа» и наказала никому об этом не говорить семь лет, чтобы спустя семь лет все духи этой песни остались у него. Но Тамелькин испугался и не выдержал этого срока. *«И песню дала, и духа дала, и вышла, и всё замечательно стало. Она дала песню, вот как называется у нас селькупский дух. Мне не надо было это говорить, это должно храниться в душе семь лет. Сказал, потому что я не сохранил. Просто испугался, чтобы сердце не оторвалось. Если бы семь лет сохранил бы, евовной песни духи все ко мне пришли бы. А я этого не сделал. Кто я в этом смысле?»*.

Как предположили слушатели, что-то шаманское Тамелькину тогда явно передалось, и он не стал с этим спорить. *«<И.Т.:> Константиныч, я такой человек, что один раз глянул и всё увидел. Ты скажи, я потом узнаю, я по душе определяю, пойму. У всех народов был: один говорит, другой говорит, третий говорит... Я всем одну-две фразы скажу... Ты выскажись — я скажу, кто ты есть. У меня какая-то душа такая есть, это, наверное, какой-то шаман, шаманское предопределение... <Я.А.:> Шаманское тебе, наверное, уже передалось что-то. <И.Т.:> Я что-то чувствую. <Я.А.:> Что-то есть, наверное. <И.Т.:> Со всеми поговорю... Я говорю — ты так, ты так, ты так. Мне — а как ты определил? Я твои глаза вижу, душу вижу, и что ты говоришь, я всё вижу»*.

Тамелькин допускает, что шаманская способность входить в контакт с духами могла достаться ему не только от Варвары Ивановны Куболевой. Дар мог передаться ему и через песню его прапрадеда-шамана, которую он тоже знает: он исполнял ее на конкурсе «Кочевая семья» в Новом Уренгое. Это исполнение далось ему нелегко, но нужный эффект на слушателей песня произвела: *«До меня ненцы так пели, их вообще не слышно было: выходят два ненца и говорят "дум-дум-дум-дум...", вон Вова рассказывал. Я вышел — зал за тих, я почувствовал акустику. Когда*

⁵ Слова «вместо моей жизни другого положила» означают заместительную магию, широко распространенную в практиках селькупских шаманов.

⁶ Один из присутствующих при исполнении песни, молодой селькуп, вспомнил, что когда-то слышал от своего деда песню, в которой пелось о белом олене, и дед его, вероятно, тоже был шаманом. Можно предположить, что белый бык — персонаж именно шаманских песен.

⁷ В мировоззрении селькупов есть представление о песне-духе, которая служит оружием шамана: песня-дух, посланная шаманом, как смерч идет по Енисею и убивает его противника.

запел, зал аж привстал. Я запел калинскую песню, Тама Ильджя, у него, знаешь, какая песня. Вот ту песню я спел, со словами, с текстом, всё как положено. До этого его песню хотел три раза спеть, но не мог. Потом в музей пошел, вот там святая тарелка⁸ лежит, поклонился, копейку положил, и всё у меня прошло. Как спел — из четырнадцати районов я третий вышел только с одной песней. «Культура духа земли» — вот что такое дух. У меня ничего не было, я просто спел».

Петь Тамелькин учился у старших родственников, копируя манеру пения, поэтому стиль его исполнения канонически традиционный: «Я, давай, начал передразнивать. А селькупский обычай — старших, взрослых нельзя передразнивать, это грешно и плохо. И обругали, всё. А теперь как называется — пародисты... А теперь кто умеет петь, кто умеет это делать? Я до сих пор знаю, как раньше пели, как говорили. А эти не знают, как петь. Они, знаешь, как поют? Русский текст берут и на селькупский манер поют. Я им говорю — это же русские слова! Песня, мотив, да. А я пою чисто, как фольклор. Я не только мелодию пою — у них слова очень мудрые, я пою дух».

Тамелькин может петь и шаманские, и личные селькупские песни, при этом каждую песню считает духом. Он не артист, но сохраняет песни своей семье, как всякую традицию. «<О.С.: Раньше были у селькупов еще личные песни?> Конечно, были. <О.С.: У каждого была личная песня?> У каждого свой дух был. <О.С.: А у вас есть личная песня?> Нет. <О.С.: Почему?> У меня у дяди остались три песни, я могу их петь — одна ураган, другая стихия, а другая медленная, три варианта. Дядька Сашка выучил три песни дедушки, еще у меня отца песни, матери песни. <О.С.: И у каждой своя мелодия?> У каждой своя мелодия. <О.С.: А слова?> Слова надо искать на месте. <О.С.: То есть слова каждый раз разные?> Разные, ну, нужно умудриться и найти эти слова. <О.С.: А пели в основном о своей жизни?> Всё о своей жизни, что природа на душу положила, но бывали песни с легендами. <О.С.: С какими?>

Со сказаниями были, которые веками хранят, но я этого не знаю».

Дед Тамелькина, напомним, был сказителем. «Я сам селькуп, у меня дедушка Калин Алексей Иванович — сказитель. Вот его сказок, знаешь, как много, лежит там, в архиве, то ли в Москве, то ли в Ленинграде». Получив от природы хорошую память, Тамелькин запомнил все дедовы сказки и перенял его манеру исполнения. Дед был превосходным рассказчиком и излагал сказки строго по традиционному канону, благодаря чему внук усвоил, что в правильно рассказанной селькупской сказке тоже содержится дух. «Я по-селькупски так скажу-у, на чисто селькупском диалекте! У них внутри дух поднимается, если устал, откуда силы берутся! Потому что у меня дедушка сказитель. Чтобы произвести духа, надо так сказать, чтобы у них до мозгов дошло. Хотя я же маленький был, совсем маленький, я просто образно понимаю... У меня одна сказка есть, такая сильная сказка. У меня много-много сказок, я могу всю ночь говорить. Я такие былицы и легенды знаю, даже дух можно перевернуть. А вот длинные сказки днем не говоря-а-т, потому что дух исчезнет. Пересказать и рассказать — это дух. Я легко, потому что у меня дедушка такой был. А у меня дедушка кто? Алексей Иванович Калин. А кто его вырастил? Калин Давыд, который шаман».

Как считает Тамелькин, он стал тем, кем стал — хранителем селькупских традиций, чутким к потусторонним силам медиумом, — благодаря своей семье, неуклонно, на протяжении многих поколений почитающей своих предков, историю, культуру и сохраняющей родной язык. От него эти качества переняли его трое уже взрослых детей. Один сын (вместе с братом Тамелькина Андреем) работает рыбаком в рыбодобывающей компании и ведет традиционный образ жизни, другой сын вместе со спасателями МЧС тушит пожары и помогает людям, попавшим в тайге в беду.

Дочь Тамелькина Снежана — сотрудник соцзащиты — через соцсети помогала

⁸ Имеется в виду тарелка — атрибут шамана Гаврилы Калина, привезенная с его захоронения, находящегося близ поселка Ратта, и выставленная на экспозиции в Красноселькупском краеведческом музее. Этот шаман принадлежит другой ветви фамилии Калиных, и Тамелькин о нем и его семье ничего не знает.

автору расшифровывать диктофонные записи беседы с ее отцом, она владеет селькупским языком, знает все отцовские истории и замечала у себя особые способности к предвидению. *«У нас бывает, у некоторых, у меня тоже бывает, дежавю. Как будто бы я уже это видела. Также бывает такое, ага. Смотришь на эту картинку и этого человека, ты его никогда не видела, и понимаешь — где-то ты уже его видела, такое есть. Или скажешь, вот как будто бы сказала, а потом это происходит. Сама думаешь, почему так, но вот так бывает. Конечно, тоже бывает, за это мы тоже, может, платим. Если что-то не сделали, потом сам себе говоришь, почему я не остановил человека, почему я ему не помог. Такое тоже бывает».* Снежана, как и отец, имеет повышенный интерес к личности своего предка-шамана Давыда Калина. Получив от автора материалы Прокофьевых, она прислала в ответ фотографии страницы из метрической книги Тазовско-Николаевской церкви XIX в., где упоминается Давыд Калинин, а также фотографию Алексея Ивановича Калина, в портрете которого она находит явное сходство со своим отцом и его младшим братом Алексеем. Так что у И. В. Тамелькина по части сбережения селькупских духовных традиций и истории семьи есть достойная смена.

Итак, семья Тамелькиных-Калиных служит примером того, какой след оставили в головах потомков ушедшие в прошлое шаманы. Глава семьи И. В. Тамелькин обладает особой чувствительностью к окружающим его проявлениям потустороннего мира. Эта чувствительность, по-видимому, передалась ему от прапрадеда-шамана или от женщины-шаманки, с которой дважды сводила его судьба, в чем отразилась одна из старых селькупских мировоззренческих традиций. Благодаря этой особенности в ряде своих занятий Тамелькин замещает шамана: он является хранителем старинного *порге* и его «легенды», проводит обряды жертвоприношения духам, рассказывает сказки своего деда-сказителя (сказителей в былые времена отличали от простых людей исключительные способности, за что их, бывало, сравнивали с шаманами), поет шаманские песни, а заодно и личные песни своих родственников. Сказки и песни он выучил, обладая хорошей памятью, и исполняет их, согласно традиционному

канону, так, что каждая из них превращается в сильного духа и у слушателей «захватывает дух».

Таких людей, как Тамелькин, с исключительными способностями, среди селькупов сегодня немало. К ним относятся некоторые (в том числе относительно молодые) хранители комплексов шаманских вещей, домашних/семейных духов и некоторые другие категории «избранных». Если говорить о следе шаманизма в селькупском массовом сознании, то следует назвать почти поголовную веру современных селькупов в духов, в сверхъестественную силу шаманов, восхищение былыми шаманскими подвигами, рост интереса к личностям своих предков-шаманов и к связанной с шаманами селькупской истории. Тамелькин, как выше рассматривалось, тоже обладает всеми этими чертами духовности, поэтому его пример показателен во всех отношениях. Массовая вера селькупов в духов проявляется в почитании священных мест, мимо которых они проезжают во время промысла, страхе быть наказанными духами за проявленное к ним неуважение. Для селькупской сакральной (равно шаманской) культуры характерна скрытность («<И. Т.:> У селькупов всё скрытно, всегда скрывают, никогда не скажут»). Сакральные предметы или объекты селькупы старательно прячут, их запрещено показывать чужим: того, кто это правило нарушает, а также членов его семьи, как они до сих пор верят, духи непременно накажут. В селькупских домах, расположенных рядом с кладбищем, под порогом обязательно лежит острый предмет, обычно топор, потому что хозяева боятся ночного визита духов-покойников и т.п. В последнее время появилось новое веяние: селькупы стали приходить к изображениям духов, хранящимся в Красноселькупском краеведческом музее, — они жертвуют им деньги и обращаются с просьбами.

Итак, в сегодняшнем селькупском мировоззрении наблюдается противоречивое явление: шаманов больше нет, а шаманская вера в селькупах (на минуточку, полностью современных людях — книги они читают, смартфонами, соцсетями и бензопилами пользуются, на вертолетах летают, на снегоходах ездят) не только никуда не делась, но и укрепила свои позиции.

Источники и материалы

ПМА 2023 — Полевые материалы авто- купов, собранные во время экспедиции 2023 г. в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа.

Исследования

Белич, Белич 1997 — Белич Иг. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 99–112.

Головнев 1995 — Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

Прокофьева 1949 — Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник МАЭ. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 335–375.

Степанова 2006 — Степанова О. Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник. 2006. № 8. С. 52–55.

Степанова 2018 — Степанова О. Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. 2018. № 2. С. 365–374.

© О. Б. Степанова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова О. Б. <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН: Российская Федерация, 19034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; тел.: +7 (812) 328-08-12; e-mail: stepanova67@mail.ru

“He Is Hidden So That He Has No Appearance, But I Found Him, I Bow to Him”: About the Shamanic Mark on Modern Views of the World Among the Northern Selkups

Olga B. Stepanova

(Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Science:
3, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 19034, Russian Federation)

Summary. *The issue of preserving and changing traditional worldviews is very relevant for today's scholarship, especially as it relates to the shamanistic component among the modern peoples of Siberia and the North. This article is devoted to the impact of the shamanic tradition on the worldview and lifestyle of modern northern Selkups and the influence of shamanism on the formation of a new Selkup identity — a topic that scholars have not yet addressed. It introduces various hitherto unknown material on traditional Selkup shamanism and on the history of shamanism into scholarly circulation. The study focuses on the worldview of the Tamelkin Selkup family, among whose ancestors was the famous shaman, Davyd Kalin. Despite the fact that the current head of the Tamelkin family has exceptional abilities that bring him closer to a shaman, his views on the world are typical of most modern Selkups and are also in line with traditional spirituality. The majority of today's Selkups believe in the existence of otherworldly beings — spirits — and in their supernatural powers and those of old shamans; they are afraid of spirits and revere them in sacrificial rites. In recent years, there has been a surge of Selkup interest in their tribal shamans and in Selkup history relating to them. The study concludes that shamanism has left a deep mark on the minds of the Selkups and has given rise to a paradox: while shamans have physically disappeared, they live on in people's memory and have a hold on the minds of their descendants. The Selkups' shamanic faith has not disappeared, but only increased.*

Key words: Selkups, traditional worldview, shamanism, modern transformations of religious beliefs, Selkup history.

Received: April 7, 2023.

Date of publication: November 25, 2023.

For citation: Stepanova O. B. “He Is Hidden So That He Has No Appearance, But I Found Him, I Bow to Him”: About the Shamanic Mark on Modern Views of the World Among the Northern Selkups. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 24. Pp. 99–109. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.008>

References

Belich Ig. V., Belich Ir. V. (1997) K voprosu o kul'tovyykh mestakh tazovskikh sel'kupov [On the Question of Cult Places of the Taz Selkups]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 1997. No.1. Pp. 99–112. In Russian.

Golovnev A. V. (1995) Govoryashchie kul'tury. Traditsii samodiitsev i ugrov [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: UrO RAN. In Russian.

Prokof'eva E. D. (1949) Kostyum sel'kupskogo (ostyako-samoedskogo) shamana [Selkup (Ostyak-Samoyed) Shaman Costume]. *Sbornik muzeya arkhologii i etnografii* [Collection of Works of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 11. Moscow; Leningrad: Nauka. Pp. 335–375. In Russian.

Stepanova O. B. (2006) Zlaya ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskom obraze selkupov [Evil or Kind: On the Question of the Main Mythological Image of the Selkup]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. 2006. No. 8. Pp. 52–55. In Russian.

Stepanova O. B. (2018) Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom raione YaNAO [Relations Between the State and the Indigenous People of the North at the Beginning of the Twenty-First Century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2018. No. 2. Pp. 365–374. In Russian.

© O. B. Stepanova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Olga B. Stepanova <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

E-mail: stepanova67@mail.ru

Tel.: +7 (812) 328-08-12

3, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PhD in History, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Science

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)